

Научная статья

УДК 81'23, 81'27, 81'33

DOI 10.17223/18137083/83/23

**Отражение этнополитических концепций
и сценариев межэтнических отношений
в психологических значениях абстрактных лексем**

Ирина Владимировна Шапошникова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Аннотация

Этнополитические концепции и сценарии межэтнических отношений у представителей разных контактирующих суперэтнических систем находят отражение в психологических значениях вербальных единиц. Проводится анализ ассоциативных полей (АП) абстрактных слов, значения которых служат операторами при экспликации этнополитических установок акторов межэтнического взаимодействия в контексте их воздействия на массовое сознание российской молодежи в актуальной диахронии (в пределах 40 последних лет). Используются новейшие базы данных, полученные в азиатских регионах РФ с 2008 по 2021 г., а также более ранние материалы из других источников. Психолингвистические приемы позволяют отследить способы встраивания смысловых компонентов идущих извне этнополитических концепций в образ мира русской языковой личности; полученные таким образом знания нужны в лексикографической практике при описании формирующихся значений относительно недавно заимствованных слов.

Ключевые слова

движение абстрактных значений в актуальной диахронии, этнополитические концепции и сценарии межэтнического взаимодействия, образ мира русской языковой личности

Для цитирования

Шапошникова И. В. Отражение этнополитических концепций и сценариев межэтнических отношений в психологических значениях абстрактных лексем // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 300–311. DOI 10.17223/18137083/83/23

© Шапошникова И. В., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 300–311

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 300–311

Reflection of ethnopolitical concepts and scenarios of interethnic relations in the psychological meanings of abstract lexemes

Irina V. Shaposhnikova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Abstract

Ethnopolitical concepts and scenarios of interethnic relations among representatives of different interacting superethnic systems are reflected in the psychological meanings of words. The semantic structures of the associative fields (AF) of abstract nouns provide relevant, experimentally obtained data representing the psychological realia. The associative-verbal profiles can be regarded as statistical models of the psychological meanings behind the sound bodies of the analyzed lexemes. This study examines the associative fields of two abstract lexemes operating as explicators of dominating ethnopolitical attitudes in the contexts of interethnic relations to trace the semantic aspects of westernization of the young Russian students' consciousness in the current diachrony (within the last 40–50 years). The analysis covers the latest databases obtained in the Asian regions (Siberia and the Far East) of the Russian Federation: SIBAS 1 (2008–2013) and SIBAS 2 (2014–2021), along with earlier materials: RAS (1988–1997). Psycholinguistic techniques allow us to trace the ways of embedding semantic components of ethnopolitical concepts coming from outside into the image of the world of the Russian language personality. The entries of newly coined or recently borrowed words in the explanatory dictionaries often fail to reflect the emerging lexicosemantic variants of their meanings. Hence, lexicographers can apply the knowledge obtained with the psycholinguistic toolkit as a complementary technique when describing the emerging meanings of recently borrowed words. The psychoglossic and vector analysis of the associative verbal fields allows the researcher to evaluate the dynamics and psychologically relevant trends in their meaning formation.

Keywords

abstract meanings in the actual diachrony; interaction of ethnopolitical concepts, scenarios of interethnic relations, the Russian language personality's image of the world

For citation

Shaposhnikova I. V. Reflection of ethnopolitical concepts and scenarios of interethnic relations in the psychological meanings of abstract lexemes. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 300–311. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/23

Введение

В этнополитических и военных конфликтах активируются историко-культурные детерминанты и сценарии межэтнических отношений. Материалы, которыми располагают российские психолингвисты, позволяют (в определенной мере) изучать смысловую структуру межэтнического дискурса не только на основе текстов, но и на основе экспликации психически актуальных значений этнополитически маркированных лексем.

В оценке сценариев межэтнического взаимодействия у россиян мы будем опираться на фундаментальные работы С. В. Лурье, в особенности на выводы, полученные ею в ходе изучения межэтнических браков [Лурье, 2018; 2019; 2020].

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2

Для анализа элементов этнополитической системы Л. Л. Хопёрская вводит понятие *этнополитической концепции* как основы мобилизации участников конфликта на достижение определенной цели [2011, с. 48–49]. Выдвигаемые участниками межэтнического взаимодействия этнополитические концепции имеют адресата, формируются на смысловой основе во внутри- и межэтническом дискурсе, поэтому их компоненты могут встраиваться в структуру психически актуальных значений вербальных единиц. В статье на материалах ассоциативных баз данных СИБАС (2008–2021) и РАС (1988–1997) в актуальной диахронии изучается смысловая структура значений абстрактных лексем, функционирующих как операторы экспликации этнополитических концепций, включая способы «встраивания» потенциально антисистемных, разрушающих исконную традицию установок в образ мира молодых россиян.

Этнополитические концепции и сценарии межэтнического взаимодействия в российском суперэтноре

Изучая опыт межэтнических браков в СССР на фоне США и Западной Европы, где довольно долго господствовало неприятие смешанных браков, а вопрос расы и расизма был и остается одной из центральных тем выдвигаемых в США этнополитических концепций, С. В. Лурье обнаружила, что «в советском дискурсе практически отсутствовало понятие расы, особенно в первые десятилетия советской власти. Государство распределяло граждан по “народностям” или “национальностям”, а не по расовым признакам. Более того, эти категории воспринимались главным образом в культурно-историческом плане, а не в биологическом или генетическом» [Лурье, 2018, с. 136]. В обыденном сознании русских бытует понятие *национальность*, а советское понимание термина *нация* «можно истолковать скорее как организационно оформленный этнос» [Там же] (ср. анализ АП *нация* в [Шапошникова, 2022, с. 276–277]). Государство проводило политику институционализации народностей через создание национальных республик и поддержку их языков и культур [Лурье, 2018, с. 137]. В табл. 1 приводим наше резюме сценариев межэтнических отношений в СССР на основе аппарата описания, который в разных своих работах использовала С. В. Лурье. Подробное толкование терминов и развернутую логику ее теоретических построений читатель найдет на ее личном сайте¹.

Проблемы межнациональных отношений в СССР эпохи распада во многом связаны с политической мобилизацией этничности при опоре на образ национальности у людей, утративших гражданскую советскую идентичность. Наличие же «высокой комплементарности» у русской молодежи в межнациональных отношениях «не объясняется отсутствием у них собственных национальных чувств, а показывает определенную особенность этих чувств» [Лурье, 2019, с. 72]. На поведенческом уровне они продолжают следовать сценарию «дружба народов», сохраняя связи и на личностном уровне.

---

¹ <http://www.svlourie.ru/>

Interethnic relations of the Soviet superethnos

Свои (советские)		
Общество	Сценарии	Личность
<p>Высшая ценность: единый советский народ = наднациональная общность = совокупность наций (народностей).</p> <p>Будущее: через смешанные браки слияние наций в единый советский народ.</p>	<p>Центральная культурная тема: государственность.</p> <p>Сценарий 1: «дружба народов» (модель сосуществования и взаимодополняющего развития); сценарий 2: «вперед планеты всей».</p>	<p>Неэтноцентричное самовосприятие в контексте других дружественных народов.</p> <p>Идентичность личности: советский человек (роль) + национальная принадлежность (этническая).</p>
Навык		
<p>Русский (советский) человек – роль харизматического лидера в соединении двух сценариев. Советский человек = хороший человек = не выпячивает свою национальность, кроме определенных моментов. Высокая комплементарность в межнациональных отношениях. Культурные различия не препятствуют ощущению единства.</p>		

Исследования общегражданских ценностей российской молодежи показали, что разгром гитлеровской Германии, победа Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., запуск первого в мире спутника и первый полет человека в космос актуальны в высокой степени, вплоть до единодушия [Мартынова и др., 2023, с. 112]. Это означает, что исторический опыт преодоления *фашизма* и *нацизма* присутствует в сознании молодежи (ср. анализ АП этих существительных в [Шапошникова, 2022], раскрывающий отношение к данным этнополитическим реалиям). Чувствительность к этнической тематике мала по сравнению с другими акцентами, а вот «очевидна тенденция возрастания роли идентификации себя с государством» [Мартынова и др., 2023, с. 108].

Возможность практического переноса на российскую почву идеологием западноевропейских этнополитических концепций этнорасового единения С. В. Лурье оценивает пессимистично. «Толерантность, если ее переносить на российскую почву, слишком бесструктурная и малосодержательная модель, поскольку суть специфики межэтнических отношений, характерных для России, не отражает. Для них свойственны более интенсивные и имеющие сценарные, диалоговые черты отношения: взаимодействие, а не одна только терпимость» [2019, с. 73]. С. В. Лурье отмечает, что вопрос о семье и межэтнической брачности не встраивается современными молодыми людьми в систему межэтнических отношений [Там же, с. 78]. Он скорее связан с личностным выбором, главное, чтобы человеческие качества соответствовали запросам, национальность не имеет значения.

Подобные сценарии осуществляются, несмотря на перестроечную пропаганду на постсоветском пространстве, внушавшую мысль о том, что народы СССР терпели несправедливое отношение от русских и относились к ним плохо. Как отмечает С. В. Лурье, особую роль играет «способ, порядок включения определенной вненациональной ценностной доминанты в этническую картину мира». Многие

зависит от того, «к какой сфере своей реальности данный этнос отнесет предложенную ему категорию, атрибутом чего она окажется в его картине мира»². С. В. Лурье оставила в своих работах прогноз на возрождение российского суперэтноса в связи с психологически комфортной для русских культурной моделью «дружбы народов», сохраняющей свою пригодность для межэтнического взаимодействия как модель сосуществования и взаимодополняющего развития. На основании русской культуры сформируется новый принцип действия, который станет основой для новой русской идентичности. Это будет модель поведения, в которой само понятие «русский» может быть перенесено и на нерусское население, это понятие станет не столько национальным, сколько культурно-государственным. Русский (российский) утвердится как суперэтническое понятие³.

Прогноз С. В. Лурье подтверждается на Украине в столкновении двух противоположных сценариев межэтнического взаимодействия, в поступках представителей разных народов в пределах общероссийского суперэтнического сценария. События на Украине и высвечивают суть этого сценария, и *закрепляют его*.

Ассоциативный профиль существительного *расизм*

Слову «расизм» СИС дает академическое определение: «антинаучные концепции, основу которых составляют положения о разделении человечества на высшие и низшие *расы*, а также связанная с такими представлениями политика господства высших, полноценных рас над низшими, неполноценными расами; в фашистской Германии расизм был официальной идеологией» [СИС, 1994, с. 511].

«В русском языке слово *раса* известно с середины XIX в.: *раса* – “племя”, “порода”. Позднее в XX веке появляются слова: расовый, расизм, расист. Ср. франц. (с XVI в.) *race*, f.; англ. (с XVI в.) *race*; нем. (XVII–XVIII вв.) *Rasse*, f. Ср. ит. *razza*; исп. *raza*. Первоисточник этого слова неясен» [Черных, 1994, с. 99–100]. Таким образом, слово «раса» вошло в русский язык, когда в евро-американском контексте расовая дифференциация уже пустила глубокие корни, переплетаясь с черно-белым радикализмом и религиозными этнополитическими концепциями.

И в РАС, и в СИБАС 2 *расизм* ассоциируется с людьми, их *национальностью, нацией*, особенно с *неграми*. Его акторы – *партия, фанаты, Гитлер*. Акценты усилены морфологической вариативностью. В СИБАС 2 к тем же компонентам добавляются: *евреи, нерусские, русские* и др., как *черные*, так и *белые* по цвету кожи люди, а также *Ку-клукс-клан, скинхеды*. По сравнению с РАС отмечается некое усиление националистического акцента за счет словообразовательной модели (*нация, нацист*). Отражен новый опыт бунтов в Америке (парадоксальный ассоциат-оксюморон: *белый негр*), иммиграции в западных странах (*мечеть*). Опозиция *русский – нерусский (хач)*, а также знак сопричастности *наш* – точки входа для примеривания расизма к российской действительности. Зона 2 в обоих источниках локализует расизм преимущественно в *Америке, США, Африке, ЮАР*; активизируется историческая связь с конфедеративными штатами (табл. 2).

² Лурье С. В. Лекции по исторической этнологии. С. 19. URL: <http://www.svlourie.ru/>.

³ Лурье С. В. Национальная политика России: анамнез, диагноз, курс лечения... URL: <http://www.svlourie.ru/>.

Таблица 2

Ассоциативный профиль слова *расизм* *

Table 2

The associative profile of the word *racism*

1988–1997: РАС (103 + 53 + 3 + 41)	2014–2021: СИБАС2 (142, 78, 5, 58)
Зона 1. Субъекты и мишени. Лица и персоналии, их организованные группы (кто воплощает и против кого направлен)	
негр 19; негры 8; нация 2; Гитлер; люди; национальность; негров; партия; раса; фанат; черные; черный. Итого: 38; 12.	негр 12; негры 5; черный 5; раса 3; Гитлер 2; еврей 2; афроамериканец 2; белый 2; нация 2; нигер 2; белый негр; еврей; Ку-клукс-клан; нацист; нерусские; русский; скинхед; хач; и пр. Итого: 50; 23
Зона 2. Локации (пространство и время) Где? Когда?	
ЮАР 3; в Америке 2; в Африке 2; Америка; в США; конфедерация; международный, наш, немецкий. Итого: 13; 9	Америка 2; Германия; иногда; мечеть; нерусский; русский; США. Итого: 8; 7
Зона 3. Номинации (синонимы, оппозиции, толкования)	
Фашизм 7; нацизм 3; политика 3; проблема 2; дарвинизм; движение; национализм; не коммунизм; разделение; строй; шовинизм. Итого: 22; 11.	национализм 5; нацизм 4; неравенство 3; сексизм 2; дискриминация; не преступление; отбор; политкорректность; пропаганда; субкультура; терроризм; фашизм и пр. Итого: 23; 13.
Зона 4. Действия и намерения; последствия и оценки	
плохо 6; война 2; гнусный; голый; жестокий; здоровый; зло; изжить; крутой; наступает; невозможен; неизбежен; нельзя; разделение; трагедия; убийство; угнетение; унижение; это плохо. Итого: 25; 19.	плохо 15; глупость 5; вражда 2; ненависть 2; нет 2; абсурд; болезнь; война; геноцид; грязь; зло; злость; идиотизм; не для меня; не преступление; неприемлемо; неприятие; неприязнь; отменить; пренебрежение; свинство; я нормально отношусь к черным; и пр. Итого: 52; 31.
Зона 5. Символы и аналогии	
Цвет кожи; гнедой; пир. Итого: 3; 3.	Афоризм; кукла; лысый; скинхед; след; черное; чернокожие; ярлык. Итого: 8; 8.
Психоглоссы интенсивности	
Расизм 1988–1997	Расизм 2014–2021
Зона 1 (37 %) субъекты и мишени → Зона 4 (24 %) действия, последствия, оценки → Зона 3 (21 %) номинации → Зона 2 (13 %) локации → Зона 5 (3 %) символы и аналогии	Зона 4 (37 %) действия, последствия, оценки → Зона 1 (35,2 %) субъекты и мишени → Зона 3 (16,2 %) номинации → Зона 2 (5,6 %) локации = Зона 5 (5,6 %) символы и аналогии
Психоглоссы экстенсивности	
Зона 1 (27 %) → Зона 3 (21 %) → Зона 4 (18 %) → Зона 2 (17 %) → Зона 5 (6 %)	Зона 4 (39,7 %) → Зона 1 (29,5 %) → Зона 3 (16,7 %) → Зона 5 (10 %) → Зона 2 (9 %)

* Здесь и в табл. 3 зонирование АП проводится по прямым словарям; морфологические парадигмы читатель найдет в обратных словарях. В первой строке таблиц показаны даты сбора экспериментального материала, название базы данных и статистика АП. Первая цифра – общее число реакций; вторая – число ответов разными словами; третья – количество отказов от ответа; четвертая – число единичных реакций. В последних строках выводятся психоглоссы (векторы смысловых акцентуаций АП) в соответствии с убыванием веса смысловых зон по показателю интенсивности (число ассоциатов в каждой зоне в процентах от общего их количества в АП) и экстенсивности (число разных ассоциатов в процентах от

общего числа разных в АП). В каждой зоне есть примеры характерных для нее ассоциатов и данные о ее наполняемости. Например: 38; 12, где 38 – общее количество реакций; 12 – количество разных словоформ. В целях экономии АП обратных словарей в таблицах не приводятся.

Зона 3 в обоих словарях толкует расизм как *политическое явление, движение, строй, проблему* в одном ряду с *фашизмом, нацизмом, дарвинизмом* и пр. идеологиями *разделения*. Связи с политико-идеологическим доменом усилены словообразовательной моделью *-изм*; *фашизм* и *нацизм* особо интенсивны. В СИБАС 2 к этому набору добавляются *терроризм, рабство*, идеологии и *пропаганда дискриминации, отбора людей*, а также *пропаганда политкорректности* и повышение статуса расизма в облике *субкультуры* в одном ряду с *сексизмом* и пр. Это точка потенциальной концентрации толерантности к расизму.

Ядро зоны 4 составляют единицы, негативной оценочности. Негатив интенсивен (почти 100 %), в прямых оценках (*плохо, зло*), усилен компонентом *не*- и транскатегориально – разными частями речи. Зона содержит прямые констатации запрета и опасности, идущей от этого явления. Позитивная акцентуация не сформировалась, но есть единичные всплески, идущие от разных оценочных установок: толерантное включение в статус кво – *неизбежен*, позитивная оценка принятия – *здоровый* и *крутой*. В СИБАС 2 отмечается резкий рост экстенсивности по отношению к данным РАС, появляются новые единицы идентификационного плана (*не для меня*). Негатив усиливается прямыми оценками (*идиотизм, свинство* и пр.) и запретом (*отменить*). Акценты усилены словообразовательными моделями *-ость, не-, -изм, -ние* и пр.

Психоглоссы АП *расизм* и в РАС, и в СИБАС 2 показывают четкие границы стоящего за ним образа у РЯЛ, внятное представление об акторах и мишенях этой концепции (признаках мишеней по цвету кожи и национальному происхождению), которое сложилось преимущественно на историко-культурном и академическом опыте познания межэтнических отношений и соответствующей им идеологии в Америке. Отсюда и вполне определенная локализация расизма, осознание последствий его практики, онтологической связи с (гитлеровским) фашизмом и нацизмом, несостоятельности и недопустимости этой этнополитической концепции. В 80-е и 90-е гг. в советской прессе довольно широко освещались события расового порядка в мире (в основном идущие из США как транслятора расистских идеологий), осуждение расизма было поддержано интернационалистическими (нацеленными на борьбу с колониализмом) установками СССР. В XXI в. (СИБАС 2) оценка вышла на первый план, укрепилась связь с *национализмом* и *нацизмом*. Ср. с нашими данными по усилению смысловых узлов *фашизм, нацизм, расизм* в АП аффикса *-изм* [Шапошникова, 2022, с. 272]. Активизация этих смысловых узлов очевидно связана с повышением градуса напряженности в межэтнических отношениях, приближением горячей военной фазы, уточнением установок и намерений противника в этнополитическом плане, прояснением смыслов, стоящих за его и своими собственными сценариями. Однако точки входа толерантного отношения к расизму были активированы в этнополитических концепциях противника в Перестройку. В сознание РЯЛ они вошли через идеологические вбросы дискурсов перестроечного времени о *шовинизме* и *тоталитаризме* (применительно к СССР и Российской империи), в АП *расизм* они представлены периферийно. Во всех АП *расизм* в обратных словарях активируются те же связи внутри когнитивного домена *нации* и *нацизма* (*национализма*). Ассоциаты с *ком-*

мунизмом и *патриотизмом* могут расцениваться как амбивалентные – то, что противостоит расизму, с одной стороны, и то, что втаскивает расизм в российский контекст через толкование концепций коммунизма и патриотизма сквозь призму расизма. Ассоциирование по словообразовательной структуре подчеркивает их локализацию в одном и том же когнитивном домене.

Ассоциативный профиль существительного *толерантность*

СИС возводит слово *толерантность* к латинскому *tolerantia* (терпение) и толкует его академически как медико-биологический термин, а также как «терпимость, снисходительность к кому-, чему-л.» [СИС, 1994, с. 610]. Т. Ф. Ефремова выделяет два значения у этого слова: «**Толерантность 1** ж. 1. Отсутствие или ослабление реакции на какой-л. неблагоприятный фактор, объясняющееся снижением чувствительности к его воздействию. **Толерантность 2** ж. 1. Снисходительная терпимость к кому-л. или к чему-л. (чужому мнению, иному верованию и т. п.) как обязательное условие политического плюрализма» [Ефремова, 2006, с. 525].

Во второй версии слово *толерантность* относительно недавно стало входить в оборот. В нем сосредоточен смысл восприятия русскими этнополитической концепции англосаксов, которую в период Перестройки примеряли не только на покоренные ранее народы, но и на русских. В СССР использовался термин *толерантность 1*; можно предположить, что его значение усилило негативную составляющую *толерантность 2* как результат опыта нашего взаимодействия с акторами толерантности на суперэтническом уровне.

Структура АП примерно однородна и по интенсивности, и по экстенсивности связей (табл. 3). Высокий индекс отказов в реакциях (14) может быть проявлением характерной для абстрактных существительных особенности, играет роль и статус недавнего заимствования. Ядро АП связано с помещением семантики *толерантность* в домен русского эквивалента *терпимость*, значение которого пересекается в русском языке с *терпением* и несет в себе доминантно положительный смысловой акцент, который, вероятно, распространился и на заимствованное слово. Нейтральные терминологические смыслы фиксируются в зоне 1: *иммунитет, тест, устойчивость*. В этом же ряду атрибуция толерантности к психическим качествам человека и аспектам социального поведения (*качество, черта характера, роль* и пр.). Связь с парадигмой *терпимость, терпение, терпеливость* и *терпеть* доминантна, активизируется 31 раз и представлена 4 разными единицами, из которых *терпимость* и *терпение* наиболее частотны. Видимо, влиянием русских эквивалентов обусловлено наличие в этой зоне весомого полюса названий положительных качеств человека: они представлены 18 единицами, которые совокупно активированы 33 раза. Это: *уважение, вежливость, доброта* и мн. др., создающие кумулятивный эффект укорененности положительных оценок толерантности. Отмечено всего 7 единичных реакций с сильными негативными коннотациями: *глупость, лицемерие, ненависть* и пр. Смысловая противоречивость зоны 2 проявляется себя в двухполюсности: констатация самого факта наличия (отсутствия) и степени присутствия толерантности как явления. Оно устойчиво локализуется в *Европе, Америке, США*, периферийно – *во всем мире* и в *Германии*, в контексте *войны* и *мира*. Толерантности скорее *нет*, чем она есть (но *была*). В зоне 3 очевидна связь с американскими этнополитическими концепциями: *ЛГБТ, геи, негры, американец, белый, ниггер, черный, раса* и пр. Нейтраль-

ные идентификаторы: *люди, я*; этнические таксоны: *раса, нация, национальность, народы*; единицы русского плана: *русский, русский язык*. Зона 4 наполнена маркерами положительных и нейтральных оценок. Толерантность здесь выступает как некая социально обусловленная (*правильный*) потребность, которая не всегда должным образом удовлетворена. Во всех обратных словарях толерантность активизируется как эквивалент *терпимости* с позитивными сопутствующими стимулами: *доброта, мирный* и пр.; в СИБАС 2 появились негативные дериваты, создающие парадигму наименований носителей толерантности с явными импликациями западных этнополитических концептов. Примечательно, что АП прилагательного *толерантный* насыщено ассоциатами с внешними манерами поведения (*элегантный, галантный, обходительный, с хорошими манерами*), структура связей с другими положительными качествами повторяет набор отмеченных у существительного, есть связь с *национальностью*.

Таблица 3

Ассоциативный профиль слова *Толерантность*

Table 3

The Associative Profile of the word *Tolerance*

2014–2021: Прямой словарь СИБАС 2 Толерантность (155, 89, 14, 72)
Зона 1. Номинации (синонимы, оппозицы, толкования-дефиниции, атрибуция)
Терпимость 18; терпение 10; уважение 6; вежливость 5; доброта 3; человечность 3; гуманность 2; качество 2; понимание 2; черта характера 2; чувство 2; благородство; воспитанность; глупость; допущение; иммунитет; культура; лицемерие; мода; мудрость; надежность; ненависть; нетолерантность; общительность; помощь; пофигизм; принятие; равенство; равнодушие; роль; смелость; спокойствие; счастье; тенденция; терпеливость; терпимость, открытость; терпеть; тест; то, чего нам всем не хватает; тщеславие; устойчивость; характер; честность; что. Итого: 88; 44
Зона 2. Локации (фиксации) в пространстве и времени
Европа 2; есть 2; Америка; было; во всем мире; война; где?; ген; Германия; мир; нет; не всегда; отсутствие; редка; США. Итого: 17; 15.
Зона 3. На кого направлена, кем и по отношению к кому применяется
ЛГБТ 4; Негры 2; человек 2; белый; американец; геи; к ЛГБТ; людей; люди; мигранты; мужчины; народы; национальность; нация; ниггер; раса; русский; русский язык; черный; я; и пр. Итого: 26; 21
Зона 4. Какой? Как оценивается
Хорошо 2; вежливо; вежливый; добро; криво; молодец; нет; не знаю; нужна; правильный; терпеливый; то, чего нам всем не хватает; уникам. Итого: 14; 13
Психоглоссы интенсивности
Зона 1 (56,8 %) номинации → зона 3 (17 %) направленность (субъект-объект) → зона 2 (11 %) локации → зона 4 (9 %) какой
Психоглоссы экстенсивности
Зона 1 (49,4 %) → зона 3 (23,6 %) → зона 2 (17 %) → зона 4 (14,6 %).

Таким образом, ассоциации с парадигмой *терпение, терпеть и терпеливость*, имеющей глубокие корни в русском языке и культуре (в древнерусском с XI в.

[Черных, 1994, с. 239]) и нагруженной положительными смыслами труда и нравственно оправданного преодоления тягот ради жизни, исторически связанной с веротерпимостью, умением уважать чужое мнение, в значительной степени переносятся и на вербальные маркеры толерантности, что, впрочем, не нашло должного отражения в лексикографических толкованиях этого слова. При этом *толерантность* сохраняет смысловую противоречивость под влиянием этнополитического концептуального «шлейфа» слов этой парадигмы в современных европейских языках. Это можно увидеть и в ассоциативных инновациях: *толеранстия*. Возможно, мы имеем дело с формированием фокуса *терпение* как активное и творческое пребывание в роли «харизматического лидера» российского мира в противовес потребной, но статичной, даже манерной *толерантности* в языковом сознании русского человека.

Заключение

Социокоммуникативные установки русской языковой личности, отразившиеся в смысловых акцентуациях АП этнополитически маркированных слов *расизм* и *толерантность* дают косвенное свидетельство сохранности базовой структуры сценария межэтнического взаимодействия русских, а именно: высокая комплементарность в межэтнических отношениях, предрасположенность к активному межэтническому взаимодействию с ориентацией на незначимость этнических и расовых различий. Такое положение дел отмечено на фоне повышения веса смыслового узла *расизм*, укрепления его связей с доменом *нации*, *национальности* и *народности* в актуальной диахронии. Образ *расизма* сложился преимущественно на историко-культурном и академическом опыте познания межэтнических отношений и соответствующей им идеологии в Америке, однако в нем сохранена онтологическая связь с (гитлеровским) фашизмом-нацизмом, осознанием несостоятельности и недопустимости этой этнополитической концепции. Данный негативно-оценочный акцент вышел на первый план в структуре АП *расизм* в XXI в., укрепив связь с *национализмом* и *нацизмом*. Точки входа толерантного отношения к *расизму* как следы вестернизации отмечаются в наличии ряда противоречивых смысловых акцентов, помещающих расизм в домен *патриотизма* и оппозиции *нерусскость* – *русскость*. Психологическое значение слова *толерантность* содержит два полюса смыслов: негативный, локализующийся в домене реалий американской колонизации, в таком виде значение *толерантность* зафиксировано в толковых словарях как концептуально-идеологическое заимствование; доминантный полюс позитивных смыслов сложился на основе установления прочной связи с парадигмой *терпимость* (*терпение*), которая несет в русской культуре положительную оценочность, включая советский сценарий межкультурного взаимодействия. Этот компонент значения *толерантность* пока не нашел системного отражения в толковых словарях.

Список литературы

- Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 3: Р–Я. 973 с.
- Лурье С. В. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 122–148. DOI 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077

Лурье С. В. Отношение к межэтническим бракам как симптом формирования российской идентичности // Петербургская социология сегодня. 2019. № 11. С. 68–80. DOI 10.25990/socinstras.pss-11.20j9-ge83

Лурье С. В. «Многокровки»: особенность формирования этнической идентичности «Тягубя» – потомков от межэтнических браков российских корейцев // Петербургская социология сегодня. 2020. № 13/14. С. 61–85. DOI 10.25990/socinstras.pss-13-14.40cc-vy24

Мартынова М. Ю., Белова Н. А., Зыкина О. А., Кляус М. П. Общегражданские и социокультурные ценности в восприятии российской молодежи // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 102–124.

СИС – Современный словарь иностранных слов: Ок. 20000 слов. СПб.: Дуэт, 1994. 752 с.

Хопёрская Л. Л. Аксиологический аспект анализа этнополитических конфликтов // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 46–56.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов: 2-е изд., стереот. М.: Рус. яз., 1994. Т. 2: Панцирь – Ящур. 560 с.

Шапошникова И. В. Ассоциативная грамматика и смысл (на примере имени существительного) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 268–284. DOI 10.17223/18137083/78/19

Список источников

РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Сост. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 13.04.2023).

СИБАС 1 и СИБАС 2 – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2022 / Авт.-сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения 13.04.2023).

References

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: 13 560 slov* [Historico-etymological dictionary of the Russian language: 13 560 words]. 2nd ed., stereot. Moscow, Rus. yaz., 1994, vol. 2: *Pantsir' – Yashchur*, 560 p.

Efremova T. F. *Sovremennyye tolkovyye slovar' russkogo yazyka. V 3 t.: ok. 160 000 slov* [Modern explanatory dictionary of the Russian language. In 3 vols.: approx. 160 000 words]. Moscow, AST, Astrel', 2006, vol. 3: *R – Ya*, 973 p.

Khoperskaya L. L. *Aksiologicheskii aspekt analiza etnopoliticheskikh konfliktov* [Axiological aspect of the analysis of ethno-political conflicts]. In: *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i soprede'nykh gosudarstvakh v 2010 godu. Ezhegodnyy doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring states. The ethno-political situation in Russia and neighboring states in 2010. Annual report of the Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention Network]. V. A. Tishkov, V. V. Stepanov (Eds.). Moscow, IEA RAN, 2011, pp. 46–56.

Lur'e S. V. *Mezhetnicheskie braki v sovremennom rossiyskom natsional'nom stsenarii* [Interethnic marriage in the Modern Russian national scenario]. *St. Petersburg*

Sociology Today. 2018, no. 10, pp. 122–148. DOI 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077

Lur'e S. V. "Mnogokrovki": osobennost' formirovaniya etnicheskoy identichnosti "Tyagubya" – potomkov ot mezhetnicheskikh brakov rossiyskikh koreytsev ["Multibloods": a Feature of the Formation Ethnic Identity "Tyagugya" – Descendants from Interethnic Marriages of Russian Koreans]. *St. Petersburg Sociology Today*. 2020, no. 13/14, pp. 61–85. DOI 10.25990/socinstras.pss-13-14.40cc-vy24

Lur'e S. V. Otnoshenie k mezhetnicheskim brakam kak simptom formirovaniya rossiyskoy identichnosti [Attitude to Interethnic marriages as a symptom of the Formation of Russian Identity]. *St. Petersburg Sociology Today*. 2019, no. 11, pp. 68–80. DOI 10.25990/socinstras.pss-11.20j9-ge83

Martynova M. Yu., Belova N. A., Zykina O. A., Klyaus M. P. Obshechegrazhdanskie i sotsiokul'turnye tsennosti v vospriyatii rossiyskoy molodezhi [National and Socio-Cultural Values in the Perception of Russian Youth]. *Herald of Anthropology*. 2023, no. 1, pp. 102–124.

Shaposhnikova I. V. Assotsiativnaya grammatika i smysl (na primere imeni sushchestvitel'nogo) [Associative Grammar and Meaning (on the example of nouns)]. *Siberian Journal of philology*. 2022, no. 1, pp. 268–284. DOI 10.17223/18137083/78/19

Sovremennyy slovar' inostrannykh slov: Ok. 20000 slov [Modern dictionary of foreign words: Approx. 20,000 words]. St. Petersburg, Duet, 1994, 752 p.

List of sources

Russkiy assotsiativnyy slovar': V 2 t. [Russian associative dictionary: In 2 vols.]. Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov (Comps). Moscow, Astrel', AST, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed 13.04.2023).

Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh. Sibir' i Dal'niy Vostok – 2008–2022 [Russian regional associative database]. I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko (Comps.). URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed 13.04.2023).

Информация об авторе

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Chief Researcher at the Department of the Russian language in Siberia, Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 27.04.2023;
одобрена после рецензирования 08.05.2023; принята к публикации 10.05.2023
The article was submitted on 27.04.2023;
approved after reviewing on 08.05.2023; accepted for publication on 10.05.2023*